

УЛЬЯНА БРИК

КОРНИ
ТЯНУТСЯ
К ГРОБАМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б87

Ульяна Брик
Корни тянутся к гробам

Дизайн обложки *Ольга Жукова*

Брик, Ульяна.
Б87 Корни тянутся к гробам: [роман] / Ульяна Брик; — Москва: Издательство АСТ, 2025. — 352 с. — (Бестселлеры Оливи Блейк, Стеллы Так и Николы Хотель).

ISBN 978-5-17-178795-0

Брат Аси бесследно исчез прямо из стен университета, в котором учился. Уже год о нём ничего не известно. Не в силах смириться с таким положением дел, Ася решает сама выяснить, что произошло.

Она поступает в загадочный Ливецкий университет — место с богатой историей и гнетущей атмосферой. В его древних стенах она оказывается втянута в тёмные тайны закрытых студенческих обществ.

Ася пытается понять, что случилось с братом и действительно ли можно доверять тем, кто называет себя его друзьями. Однако скоро девушка перестаёт различать, где заканчивается реальность и начинаются сны.

Среди заброшенных гробниц под шёпот мрачных легенд ей предстоит не только выяснить судьбу брата, но и столкнуться с собственными демонами. Это опасное путешествие навсегда изменит её отношение к миру и себе самой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Copyright © Ульяна Брик, текст
В оформлении макета использованы материалы
по лицензии © shutterstock.com
ISBN 978-5-17-178795-0 © ООО «Издательство АСТ», 2025

*Вы принадлежали к тому типу невежд,
который так боится жизни, что только
и умеет презирать ее из страха, как бы случайно
не полюбить что-нибудь такое, что не отвечает
стандартам горстки людей, которыми
он восхищается*

«Мир чудес» Робертсон Дэвис

Перевод Г. Крылов

Глава 1. Сын раздора

В поле зрения Аси чёткие контуры зданий и предметов расползались от небывалой усталости. Оставались только цвета. Серый — мглистый, небесно-сонный в слепых облаках и отблесках дальней грозы. Зелёный — мшистый, бархатный, шершавый и шепчущий в кронах и кустах. И красный — родной и реальный, как ссадина на руке и ромбы на рюкзаке. Красный почти всегда скорее внутри, чем снаружи, скорее суть, чем обстоятельство. Потому что кровь не водица.

Она поднималась по лестничным пролётам на третий этаж, с трудом волоча за собой чемодан. Остановившись перед нужной дверью, едва не толкнула её ногой. Но одёрнула себя — неловко бы вышло. Новые двери стоит открывать вежливо, со стуком. К тому же внутри её ожидает незнакомка, с которой Асе предстоит жить ближайшее время. Выдыхая и стряхивая усталость, чтобы появиться перед соседкой в подобающем виде, Ася

мысленно оглядывалась на сегодняшний день. Он казался неправдоподобно долгим.

Её разбудили в половине седьмого, и первые несколько мгновений она не могла понять, что происходит, почему благословенный и безмятежный летний сон так грубо нарушен. Потерев глаза, Ася оглядела свою комнату и всё поняла. Зяблик смотрел настороженно и тоскливо, сидя на своей ветке. Обнажённый письменный стол сиротливо жался к стене, с которой сняли все постеры, открытки и календари. Раскрытый зев чемодана призывал затолкать в него как можно больше вещей. И лишь опустошенные шкафы облегчённо вздыхали. Настал момент прощания. Уже после, в черед суетливых сборов, она подумала о том, что покидать эту комнату ей если и жаль, то лишь слегка. Ведь не будь зяблик нарисованным, он бы тоже непременно упорхнул. Асе нравилось одушевлять окружающее пространство — без этого художественного вымысла день получался до обидного прозаичным.

— Возьмёшь? — Когда дверь в комнату толкнули, она, досадливо скрипнув,пустила вешалку с кроличьей дублёнкой, позади которой виднелась мама. — До Нового года ведь не вернёшься, а как морозы ударят в декабре? Почтой высылать придётся.

— Так ведь на юг еду. — Ася погладила белый мех. Хорошая вещь. Папа лично подстрелил каждого несчастного кролика для её пошива. — Тем более чемодан и так не закрывается.

— Ну-ка! — Мама вручила Асе вешалку, а сама прошествовала к ощерившемуся молнией противни-

ку. — Делов-то, — хмыкнула она, без видимых усилий укомплектовав багаж. Она глядела с тем самым выражением, присущим только матерям, которые с помощью ловкости рук и без какого-либо мошенничества способны на всё, чего самостоятельно не смог сделать их отпрыск. — Пошли. — Мама выдвинула длинную ручку и покатила чемодан за собой в коридор.

Ася аккуратно положила дублёрку на кровать, нарушив симметричную опустошённость своей комнаты, подхватила рюкзак, привалившийся к стулу, и, не оборачиваясь, выбежала. Лучше быстрее отодрать от себя прежнюю жизнь, как пластырь, пока не начала сожалеть о её безвозвратной потере.

На первом этаже царила суматоха: посуда после спешного завтрака ещё не была вымыта, а многочисленные ящички так и остались выдвинутыми в ходе поисков необходимых мелочей. Входная дверь, раскрытая настежь в прощальном жесте, хлопала, будто подгоняя. Предпоследний день августа близился к середине, ветер поднялся холодный и влажный, предвещающий скорую грозу. Уходящее лето выдалось мокрым и пасмурным, но погода, похоже, не собиралась меняться в лучшую сторону.

Подойдя к столу за последним уцелевшим тостом (масло полностью растаяло и впиталось, отчего поджаренный хлеб стал только вкуснее), Ася заметила выглядывающую из-под скатерти мордочку Пуаро. Жаль, в общежитие нельзя брать с собой котов, даже таких замечательных, как он. Ася почесала питомца за ушком. Она несколько лет мечтала о дымчатом британце,

а теперь бросала его. Хорошая же из неё хозяйка получилась. Пуаро смотрел укоризненно, тыкаясь мокрым носом в её голую коленку. «Я не нарочно. Я скоро вернусь», — безмолвно обещала Ася. Последний раз поднимая тяжелевшего с каждым годом Пуаро на руки, она прижала его себе, поцеловала в макушку и отнесла кота на его любимое кресло.

Затем быстро сунула ноги в потрёпанные кеды, закинула лямку рюкзака на плечо и вышла навстречу воздушному потоку. Порывкивал мотор старенького «Форда», подогнанного к самому крыльцу, а папа уже успел загрузить багажник и теперь стоял рядом с мамой.

Ася выдавила ободряющую улыбку. Родители стояли в обнимку, такие трогательные: папа, возвышавшийся над мамой на пару голов, прижимал её к себе и успокаивал как ребенка. Ася знала, как им не хотелось отпускать её учиться в такую даль. Да ещё и в тот самый университет, который принёс их семье столько волнений. Мама отговаривала её, вздыхала и охала, но в итоге смирилась. Однако понять, как она на самом деле расстроена, было легко: сегодня, готовя завтрак, она разбивала яйца в урну, а скорлупу оставляла на сковороде.

Папа изначально поддержал Асю, как и во всех других начинаниях. Соорудить над кроватью балдахин? Запросто. Хочешь играть на скрипке? Пожалуйста! Не понравилось? Конечно, бросай. Конный спорт? Организуем. Завести дорожного кота? Обязательно. Поступить в тот же университет, что и брат?.. Что ж, ладно, если так хочется... Папа всегда говорил, что у Аси

«есть характер», но не уточнял, какой именно. Судя по всему, достаточно сильный, чтобы делать то, что взбредёт ей в голову, не отзываясь на увещевания.

— Точно ничего не забыла? — Папа приобнял Асю за плечи, когда она, наконец, подошла к машине. — Вернуться уже не успеем.

— Ничего. — Ася уверенно кивнула. Самое важное она держала поближе к себе. Перепроверяла наличие этой вещи несколько раз.

— Тогда по местам.

Дом скрылся за поворотом, за окном замелькали ряды типовых коттеджей, малиновые кусты, торчащие из-за сеток, свисающие на дорогу ветки яблонь. Посёлок оставался позади, а «Форд» въезжал в город, живший своей жизнью, не заметивший ни Асиного прибытия, ни её последующего отъезда. Путь до вокзала занял меньше получаса, наполненного докучливыми песенками по радио, беспредметной болтовнёй родителей и задумчивым молчанием Аси.

Люди, жутко занятые, понедельничные, сновали туда-сюда между луж. Асфальт не успел высохнуть. Должно быть, дождь прошёл совсем недавно. Цвет глаз Аси часто сравнивали с мокрым асфальтом, но она не считала этот оттенок приятным. Прохожие, катящие чемоданы, предчувствовали скорую разлуку с посеребрёнными каплями летним городом. Ася всегда грустила накануне наступления осени, а в этот раз ощущала тоску особенно остро, но как могла держалась.

Чтобы подбодрить себя, она провела пальцами по пластмассовым кубикам браслета. «Вечность», —

гласило выложенное ими слово. Никакого глубокомысленного подтекста, просто эту вещь ей подарила Вика, с которой они стали лучшими подругами после спектакля «Снежная королева» в пятом классе. Ася играла Герду, а Вика — Кая, потому что мальчишки отказались участвовать в постановке, а у неё как раз была подходящая стрижка: короткие волосы стали её наказанием за неудачный парикмахерский опыт с маминими ножницами. Они тогда смеялись до колик, разгрызали шипучки, от которых их языки позеленели, а к концу вечера поклялись в вечной дружбе. Через неделю Вика принесла ей этот браслет. Подруга — одна из тех, кого Асе не хватало в этот важный день. Но, будь она рядом, ещё неизвестно, стало бы легче или наоборот. Они простились два дня назад, потому что сама Вика тоже упорхнула из родительского дома, но в противоположную сторону — на север, в Питер, поступать в консерваторию. Она, в отличие от Аси, скрипку не бросила.

Но больше всего не хватало брата... Впрочем, если бы не он, Ася бы вообще не направилась туда, куда она едет. Да, это всё ради него.

Ася излишне нервозно хлопнула дверью, но папа оставил это без внимания, суетясь с багажом. Тучи над железной дорогой опасно сгустились, когда они втроем зашагали к платформе. Поезд уже подали. Асе предстояло трястись в нём почти три часа. Они подошли к нужному вагону.

— Ну, посидим на дорожку. — Папа опустился на корточки. Ася присела на свой чемодан, мама расположилась на скамье.

— Особо не оголяйся. Там ненамного теплей, — напутствовала мама.

— Хорошо.

— Учись прилежно, — попросил папа.

— Постараюсь.

— Звони каждый день, не забывай.

— Ладно.

— Допоздна не сиди, режим собьёшь.

— Ага.

— И, пожалуйста, — мама поднялась, — будь осторожна. — Её глаза наполнились слезами, и она крепко обняла дочь. — Ты у меня одна осталась.

— Не переживай. — Ася прижалась к ней. — Всё будет нормально.

— Рассчитываю на твоё благоразумие, доченька. — Настала очередь папы. Он сжал Асю в объятиях почти до хруста костей.

— Я — сама рассудочность, — отступила на шаг. — Попробую одна затащить багаж, надо же привыкнуть.

— Не буду препятствовать, — замахал руками папа.

Ася с трудом занесла чемодан в поезд, выбрала место у окна и по направлению движения, по заветам мамы. Заметила сквозь мутное поцарапанное стекло родителей. Как они ни пытались скрыть своё состояние, их сложно было назвать радостными. У Аси защипало в носу. Она снова принялась перебирать бусины браслета. Вечность. Сепарация. Долг. Есть вещи важнее детской привязанности.

Поезд тронулся. Ася махала родителям, пока не заняла кисть. Небеса разразились грохотом грома — из туч

хлынул ливень. Его сплошная пелена застилала окно. Вокруг — слепая зона, неизвестность. Но где-то впереди маячит вполне определённая цель.

Три часа пронеслись в полудрёме под приглушенные звуки музыки в наушниках, стук колёс и капель. Ася пыталась в очередной раз перечитать буклет университета, но роившиеся в голове мысли о прошедшем и будущем, полные сомнений и чаяний, затрудняли этот процесс. Разбитая и помятая, Ася вышла на конечной станции, с усилием волоча за собой чемодан.

Ей доводилось уже здесь быть в прошлом году. Они с родителями приезжали сюда, часами сидели в полицейском участке и кружили по центру, обклеивая информационные доски и фонарные столбы объявлениями о пропаже: *«Черных Антон: 22 года, средний рост и комплекция, волосы русые, глаза серые»*. Двадцать три. Сейчас ему уже исполнилось двадцать три, но они не отпраздновали его день рождения, потому что листовки с нечёткой фотографией её брата ничем не помогли.

В прошлый раз Ася бродила по городу как в тумане — ни улиц, ни бульваров не разглядела, всё казалось дурным сном. Но и теперь, будто впервые здесь очутившись, она не осматривалась кругом: всё равно её путь ещё не окончен, она лишь проездом, ей дальше. Дальше её увёз с вокзала раздолбанный, плюющийся чёрными выхлопами пригородный автобус. Красно-белый — под цвет её кед и полосатой футболки. И спустя двадцать минут в душном салоне, наполненном не слишком воодушевлёнными студентами

и недовольными бабушками с бидонами, Ася спрыгнула на своей остановке. Город Ливец: население — около семидесяти тысяч человек, ранее — закрытое административно-территориальное образование, ныне — провинция, не глухая лишь потому, что знаменита своим университетом, единственным в своём роде и самым перспективным на юго-западе страны.

Остановка на окраине — там, где и располагается студгородок. Вот он, весь как на ладони виден с возвышенности, если бы окружающий его железный забор не мешал обзору. У Аси не было сил разглядывать студгородок — она логично рассудила, что возможность изучить его устройство вдоль и поперёк ещё представится ей в будущем. Поэтому двинулась к воротам и зашагала под гору, еле поспевая за норовящим скатиться вперёд неё чемоданом. Уладив все бюрократические вопросы, потолкавшись с документами и всевозможными бумажками в очередях из галдящих первокурсников, растянув руку, в очередной раз переставляя багаж, вусмерть уставшая и начавшая закипать Ася, наконец, приблизилась к блаженному краю — общежитию № 2. Здание это, не отличавшееся от прочих ни видом, ни новизной, ближе всех жалось к дальней ограде. Его задний вход соседствовал со сторожкой у запертых ворот, за которыми начинался лес.

Дневной свет сменялся вечерним, и голоса студентов там, на отшибе, почти не слышались. Ася вдохнула полной грудью влажный воздух и покрылась мурашками: холодало. Оставалось сделать последний рывок и затащить вещи на третий этаж. Пока, по её ощущениям,

атмосфера напоминала детский лагерь, только провести в нём предстояло не лето, а целых четыре года. Ну или как пойдёт.

Ася похлопала себя по щекам и глубоко вдохнула, прежде чем толкнуть плечом дверь. Войдя, она сразу же увидела белокурую девушку, недоверчиво смотрящую на неё. Соседка, с разметающимися по плечам волосами, красила ногти, по-турецки сидя на кровати поверх пледа со скандинавским узором. Её уголок комнаты выглядел обжитым и уютным — настоящий кусочек Пинтереста, явно принадлежавший ей не первый год. Со стены позади неё на новоприбывшую глазели кореянки с сияющей кожей, красовавшиеся на страницах журналов, увенчанных пока ещё выключенной гирляндой. Ася сморгнула от пестроты.

— Добро пожаловать. Меня зовут Кристина. — Приятный девчачий голос нарушил тишину.

— Спасибо! Анастасия. Предпочтительней Ася или Стася, но на Настю тоже могу откликаться. — Она бросила рюкзак на свободную кровать и следом сама на неё улеглась. — Давно тут учишься? — У Аси не было сил смотреть куда-либо, кроме белёного, покрытого трещинами потолка.

— Третий курс PR-менеджмента. А ты на кого поступила?

— Социология.

— Слава богу, — выдохнула Кристина. — Пронесло.

— Этот факультет славится хорошими соседками? — Ася перевернулась на бок, чтобы видеть выражение лица собеседницы.

— Нет, на самом деле почти любой сойдёт. — Она подула на ногти. — Кроме биохима.

— А что с ними не так? — Ася заинтересовалась, подпёрла голову рукой. Зацепка, это первая зацепка.

— Есть своя специфика, — уклончиво ответила Кристина, и её симпатичное личико непроизвольно скривилось. — Знаешь, они там все немного «того».

— Тогда сразу сообщу три самых неприятных факта обо мне, чтобы ты знала, к чему готовиться. — Ася повторила излюбленную сентенцию лучшей подруги. Она часто так делала — и срабатывало. Большинство людей эта честность подкупала и помогала завоевать их расположение. — Я люблю белый шоколад больше чёрного. — Начала загибать пальцы. — У меня искривлена носовая перегородка, поэтому я храплю. Иногда я могу целую неделю до умопомрачения напевать приставучую песенку из какого-нибудь мюзикла.

— Серьёзно, любишь белый шоколад? — спросила Кристина, будто пропустив мимо ушей остальные, более важные сведения.

— Ага. И ещё пиццу с ананасами.

— Что насчёт приятных фактов?

— Здесь тремя пунктами не обойтись. — Ася подмигнула.

— Один я уже уловила — скромность. — Она по доброму усмехнулась. — Ладно, вот три факта обо мне: я не ем сахар и мучное, у меня есть наушники и сплю я в берушах. Кстати, советую и тебе их приобрести.

— А что, соседи шумные?